

Соляные повторы в романе Гончарова «Обломов»¹

В.И. Тюпа
МОСКВА

Всякое произведение искусства представляет собой не только воображенный и «отрешенный» (Густав Шпет) мир, но и собственную, суверенную систему ценностей. Эта система в значительной степени формируется повторами (а также антиповторами – отсутствием повтора, семантическими антитезами и контрапунктами).

Архитектоника « годового круга » («Илья Ильич жил как будто в золотой рамке жизни, в которой, точно в диораме, только менялись обычные фазисы дня и ночи и времен года») определяет и композицию романа. Начинаясь в мае, он завершается в апреле, а 4 части текста в основном соответствуют последовательно: весне – лету – осени – зиме. В концовке III части Обломов накануне своей длительной болезни смотрит в окно и бормочет: «Снег, снег, снег! <...> Все засыпал!».

Впрочем, последняя, «зимняя» часть заключает в себе целые годы: всю оставшуюся жизнь Обломова без Ольги и его смерть. С позиции Штольца, это закономерно: поселившись у Пшеницыной, Илья «погиб», и Ольге уже нельзя его даже увидеть.

Неудивительно, что при организации текста по модели солнечного круговорота ведущим лейтмотивом романа оказывается мотив солнца. Текст содержит 36 лексических повторов и множество не прямых, семантических. Однако я ограничиваюсь преимущественно лексическими как несомненными.

Данные повторы распределены по частям романа весьма неравномерно: I – 22; II – 5; III – 2; IV – 7.

© В.И. Тюпа

¹ Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Дискурсивные стратегии современной русской литературы в социокультурном пространстве России».

Убывание числа повторов лексемы «солнце» по мере приближения к зиме закономерно и объяснимо. Однако рост их числа в заключительной части нарушает эту стройность. А если вычестить из 22 повторов I части 14, приходящихся на «Сон Обломова», наделенный особым композиционным статусом текста-в-тексте, то начальная и заключительная части практически сравниваются по количеству занимающих нас повторов. Объясняется это, надо полагать, тем, что финал жизни Обломова очень напоминает его любимую мечту о «вечном лете» (из VIII главы первой части). Но в таком случае, версия беспросветной «зимы» обломовского существования, принадлежащая Штольцу, оказывается под сомнением.

Эпицентром солярных повторов в романе служит «Сон Обломова» (IX глава первой части), Иначе говоря, источником иррадиации солнечного мотива является идиллическая Обломовка – это, как сказано в романе, «любимое место» Солнца, что придает системе ценностей гончаровского творения некую *амбивалентность*: мифопоэтическая *жизнетворность* солнца и социально-психологическая *губительность* «обломовщины» (вслед за Штольцем ее признает и сам Обломов) оказываются совмещены в едином идиллическом хронотопе.

Впрочем, в романе амбивалентна и сама *жизнетворность*: «что за жизнь! – восклицает Обломов. – Когда же настанет райское, желанное житье?» Когда же оно настало, Обломов «тихо и постепенно укладывался в простую и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу». «Желанное житье» оказывается равноценным умиранию. Однако аналогия со святыми старцами, несомненно, придает очевидную неоднозначность этой могильной семантике.

Жизнетворность солярной семантики для искусства отнюдь не априорна (в «Мастере и Маргарите» солярные повторы служат символике власти в ее убийственности). Однако в данном случае мы имеем, как мне представляется, исторически более архаичную, идиллически позитивную «археопозтику» (Ежи Фарино) солнца. После солнечного заката – «наутро опять жизнь». В Обломовке лучи солнца только «слегка жгучие, но не палящие», их тепло столь же благотворно, как «благотворный летний дождь», после которого «солнце уже опять с ясной улыбкой любви осматривает и сушит поля и пригорки».

Обнаруживаемая в романе связь солнца с золотом¹ и райским садом², по свидетельству Вяч. Вс. Иванова, характерна для солярных мифов и волшебных сказок многих народов. При этом семантика власти присуща только позднейшим солярным мифам; в более архаичных солнце предстает вполне доброжелательной, а порой и страдательной фигурой хозяина света и тени – нередко вторичной по отношению к луне.

¹ Имеется в виду не только упоминавшаяся уже «золотая рамка жизни», но, в особенности, самоощущение Обломовым доброго начала в себе: «лежит оно, как золото в недрах горы».

² Ср. обломовский образ «райского житья»: «Лежать бы теперь на траве, под деревом, да глядеть сквозь ветки на солнышко и считать, сколько птичек перебивает на ветках».

«Наиболее архаичной формой солярного мифа представляются близнецные мифы, в которых солнце и месяц или луна ... образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев (часто братьев), один из которых ... подчинен другому и выполняет его поручения»¹. Данная мифотектоника весьма прозрачно угадывается в паре персонажей Обломов-Штольц. В частности, Штольц успешно занимается хозяйственными делами Обломова и обеспечивает его материальное благополучие.

Слово «луна» встречается в романе всего лишь 10 раз, но эти повторы весьма значимы в качестве своего рода антиповторов относительно «солнца».

В первой части луна (в качестве объекта поэтического мироотношения) упоминается три раза подряд – и только затем, чтобы подчеркнуть солярность Обломовки, где «никто и не знал, что за луна такая – все называли ее месяцем», который очень походил «на медный вычищенный таз». Время луны, как говорится в романе, – это время «творческого ума», «страсти», «тоски» или «преступной мысли», но в Обломовке оно не властно: ночью там «все почивают так крепко и спокойно».

Во второй части, где Обломов переживает борение между прежним своим и новым способом присутствия в мире, наступает равновесие упоминаний солнца и луны (по 5 раз). Здесь поэтический образ луны – через каватину *Casta diva* – сразу же связывается с неведомой еще Обломову Ольгой Ильинской, а впоследствии в ее пении – «с нервной дрожью чувства». Здесь же он оказывается свидетелем нервически «тревожного состояния» Ольги, которое знаменательно названо «лунатизмом любви».

Между тем, он «никогда не хотел видеть трепета в ней, слышать горячей мечты, внезапных слез, томления, изнеможения и потом бешеного перехода к радости. Не надо ни луны, ни грусти, Она не должна внезапно бледнеть, падать в обморок, испытывать потрясающие взрывы...

– У таких женщин любовники есть, – говорил он».

Отношения, устанавливающиеся между Обломовым и Ольгой, переживаются героем весьма амбивалентно. То в мечтах вдруг «перед ним распахнулась светлая, как праздник, Обломовка, вся в блеске, в солнечных лучах <...> он идет с Ольгой задумчиво по длинной аллее». То ему вдруг «стыдно <...> ходить при луне, подслушивать биение девического сердца, ловить трепет ее мечты».

Можно утверждать, как мне представляется, что выявляемая солярно-лунарная мотивная инфраструктура составляет глубинный фундамент системы ценностей условного мира данного произведения.

Но в таком случае именно Обломов – позитивный центр этого мира как персонаж, очевидным образом соотносительный с солнцем, который «обращал глаза к небу, искал своего любимого светила». «Промелькнет утро, день уже клонится к вечеру» (солнечные «фазисы» бытия), и вот уже Обломов в бесчисленный раз «провождает глазами солнце, великолепно садящееся за чей-то четырехэтажный дом». Ситуация эта в тексте неоднократно повторяется. Используется она и в переносном значении для характеристики состояния души

¹ Иванов В.В. Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 461.

влюбленного героя: «Обломов был в том состоянии, когда человек только что проводил глазами закатившееся летнее солнце и наслаждается его румяными следами, не отрывая взгляда от зари, не оборачиваясь назад, откуда выходит ночь, думая только о возвращении завтра тепла и света».

Недолжность, аномальность своих отношений с Ольгой Обломов мыслит в таких выражениях: «это душевный антонов огонь. И теперь я уже ни на что не похож <...> не знаю восхождения и захождения солнца, в считаю: видел – не видел, увижу – не увижу, приходила – не пришла, придет...» Эта измена своему светилу мыслится героем как «лунатизм любви».

Возвращение к своей изначальной солярности Обломов осуществляет в домике Пшеницыной. На Выборгской стороне, «задумчиво глядя, как тихо и спокойно утопает в пожаре зари вечернее солнце», он решает, что «жизнь его не только сложилась», но и «предназначена», «чтоб выразить возможность идеально покойной стороны человеческого бытия».

На языке солярной мотивики справедливость мысли о полноте и адекватности обретенного героем существования явственно подтверждается: «В окна с утра до вечера бил радостный луч солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую, не загораживаемый ничем благодаря огородам с обеих сторон» (вместо городских «каменных стен»).

Штольц воспринимает картину существования своего друга диаметрально противоположно: он «изменился в лице и ворочал изумленными, почти бессмысленными глазами вокруг себя. Перед ним вдруг “отверзлась бездна”, воздвиглась “каменная стена”, и Обломова как будто не стало».

Следует иметь в виду при этом, что не только нервическая Ольга, но и рационалист Штольц – лунарные персонажи. Вот знаменательный повтор из последней части: по ходу трудного разговора он «вывел ее из аллеи и оборотил лицом к лунному свету»; затем уже она «вывела его на лунный свет и вопросительно посмотрела ему в глаза».

Правда, и Ольге, и Штольцу принадлежит по одному упоминанию о солнце. Однако Ольга связывает солнце с водой Невы (отраженный свет, как и лунный). А Штольц думает про Обломовку, которая станет вскоре железнодорожной станцией, что и «на нее пали лучи солнца». Но Обломовка уже была солнечным краем; ее, стало быть, ожидает иное, искусственное освещение.

Штольц в глазах многих читателей мог бы претендовать на статус положительного героя, однако солярно-лунарная поляризация персонажей такой однозначности явственно препятствует.

До известной степени Обломов сам и является персонификацией солнца, своего рода «солнечным божеством», кем он явился для Агафьи Пшеницыной: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь <...> что засветилось в ней (ее жизни – *В.Т.*) солнце и померкло навсегда»; «но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее». «На всю жизнь ее разлились лучи». С мифопоэтической закономерностью после заката этого «солнца» рядом с домом Пшеницыной возвысилось «длинное, каменное, казенное здание, мешавшее солнечным лучам весело бить в стекла мирного приюта лени и спокойствия».

Дело, однако, не сводится к обожанию Агафьей Ильи Ильича как некоего высшего существа. На протяжении всего романа повествователь не раз сообщает нам, что Обломов «светится», «сияет». В минуты бодрости «у него кипе-

ла кровь, глаза блистают. Ему казалось, что у него горят даже волосы» (очевидное олицетворение солнца). А в минуты уныния «он болезненно чувствовал. Что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть теперь уже умершее».

Можно предположить, что глубинная поэтика романа «Обломов» представляет собой мифопоэтику «мертвого солнца», о могиле которого сказано: «сам ангел тишины охраняет сон его». Не случайно среди солярных повторов текста доминирует повтор закатного солнца и отсутствует солнце рассветное. Знаменательно в этом отношении, что Илья Ильич оставляет миру сына – мир ведь не может оставаться без светила. «Сын солнца» – весьма продуктивная мифологема. Сам Илья Ильич, показанные в картине его сна мальчиком, – сын солнечной Обломовки.

Мертвое солнце – образ глубоко амбивалентный, как и образ Обломовки, как и солярно-лунарная двойственность мифотектонической мотивики романа, как и вся, в конечном счете, внутривроманная система ценностей произведения, где уже в исходной ситуации возникает мотив фундаментального противостояния деятельной Европы и инертной Азии. Амбивалентность эта программная. Такова здесь стратегия завершения художественного целого.

С первой страницы текста начинается раздвоение взгляда на главного героя: с одной стороны, сообщается впечатление «поверхностно наблюдательно-го, холодного человека» (уж не солярного ли Штольца?); с другой – «человека поглубже и посимпатичнее». Ключ же к принципиально двоящемуся, «близорукому» нарративу обнаруживается в заключительной фразе текста: «И он рассказал ему, что здесь написано».

Перед нами, стало быть, далеко не беспристрастное повествование, а весьма однобокая версия Штольца, который, например, своеобразно (контрдиалогически) реагирует на открывшийся ему факт появления у Обломова собственного сына, восклицая: «Как ты пал!»

Но, с другой стороны, Штолец никоим образом не мог ведать некоторых моментов и аспектов жизни Обломова, о каких мы узнали. Стало быть, они принадлежат версии «литератора», записавшего рассказ Штольца. Но «литератор» поразительно напоминает нам самого Обломова: «полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами». Эта сочувственная версия, надо полагать, и вносит позитивные, в частности, солярные акценты в повествование.

Итак, перед нами двоящаяся, амбивалентная история солнечного *жизнеумирания*, которая, не ставя точек над *i*, предлагает читателю сделать самостоятельный выбор рецептивной позиции: ценностно отдалиться от Обломова или приблизиться к нему.